

государства. Летом 1922 г. указом народного комиссара просвещения БССР было создано Управление по делам кинематографии – «Киноресбел». В январе 1924 г. при Наркомате просвещения было создано Государственное управление по делам кинематографии и фотографии (Белгоскино).

В связи с тем, что в Беларуси не нашлось материальной базы и кадров киноработников для проведения съемок, в 1928 г. было принято решение временно создать киностудию в Ленинграде, а через некоторое время перевести ее в Минск. Новая студия получила название «Советская Белоруссия». В 1926 г. на экран вышел первый художественный белорусский фильм «Лесная быль», посвященный борьбе белорусских партизан в 20-е годы. В 1930 г. была создана первая звуковая кинопрограмма «Переворот», которая демонстрировалась в первом звуковом кинотеатре в Минске «Красная звезда».

Список литературы

1 Кароль, А. Беларусізацыя – палітыка нацыянальнага адраджэння / А. Кароль // *Крыжовы шлях*. – Мінск, 1993.

2 Лыч, Л. М. Гісторыя культуры Беларусі / Л. М. Лыч, У. Навіцкі. – 3-е выд., дап. – Мінск : Современная школа, 2008. – 512 с.

3 Рябцева, Н. А. Белорусоведение : пособие для студентов вузов / Н. А. Рябцева ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель : БелГУТ, 2002. – 357 с.

4 Рябцева, Н. А. История белорусской культуры : учеб.-метод. пособие для студентов всех специальностей / Н. А. Рябцева ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель : БелГУТ, 2011. – 189 с.

УДК 94(100)“1914/.19”

СВОИ "КРОНШТАДТ" И "ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ". ОКТАБРЬ 1917-ГО В ГОМЕЛЕ

П. Г. ДЕМИДОВ, А. М. КУКСО

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Осенью 1917 года Гомель переживал далеко не лучшие времена. Результатом продолжающейся войны стала прогрессирующая нищета и разруха. Мужчины гнили в окопах, в то время как их жены и дети жили на нищенское пособие от государства. Цены же на товары первой необходимости безудержно росли. Свержение царя Николая II лишь временно выпустило пар всеобщего недовольства. Временное правительство много обещало, но тоже

не смогло наладить победы на фронте и жизнь в тылу. Крестьяне требовали отдать им землю, солдаты – мира.

Жаркая осень 1917 года

Но, как известно, «кому война – а кому мать родна». И действительно, прибыли гомельских предпринимателей, занимавшихся поставками армии, бешено росли. Так, только Моисей Фрумин, который владел чугунолитейным заводом – нынешним ОАО «СтанкоГомель», за годы войны увеличил количество своих рабочих в несколько раз.

Недовольные граждане новоиспеченной Российской демократической республики искали выход из кризиса и новых лидеров. Многие интеллигенты и женщины обожали импозантного премьера и говоруна Александра Керенского. За словом в карман своего френча Александр Федорович никогда не лазил. Но вот денег у бывшего адвоката не было – внешний долг России составил к этому времени 50 миллиардов рублей. Что при любом исходе войны грозило ей частичной потерей независимости. Не спасали положение и печатание новых банкнот – «керенок», стремительно обесценивавшихся.

Свободой слова и бумажными «фантиками» от Керенского народ накормить было невозможно. Зато большевики во главе с Владимиром Ульяновым и левые эсеры вместе с «крестьянской богородицей» Марией Спиридоновой обещали немедленно прекратить империалистическую войну, дать крестьянам землю, рабочим – достойную зарплату и контроль над условиями своей работы на фабриках. А всю власть построить «снизу», через систему базовых Советов. А в будущем – царство справедливости на земле – коммунизм.

Но первыми попытались устроить новую революцию анархисты – уже летом 1917 года поклонники безвластия устраивают в Петрограде демонстрацию, которую расстреляли верные Временному правительству войска. А через месяц государственный переворот пытаются организовать уже сторонники «твердой руки» – военные во главе с Лавром Корниловым. Кстати говоря, штаб этого провалившегося путча находился в соседнем с Гомелем Могилеве.

И вскоре уже в каждом городе и местечке появляются свои «Ленины», «Троцкие» и «Махно».

Вожди гомельской революции

В Ветке, например, председателем Совета был избран левый эсер Иван Малеев – боевик, бежавший с каторги, журналист в эмигрантских изданиях. В 1917 году Малеев возвращается на родину – но, в отличие от Ленина с его якобы «пломбированным» вагоном, ветковчанин пересекает Тихий океан на американском пароходе. В 1917 году Иван Малеев будет избран от Гомеля в Учредительное собрание. Еще левые эсеры, как никакая другая партия, имела в своем руководящем составе множество женщин. Была в Гомеле и своя «Мария Спиридонова» – левая эсерка Мина Капелюш, трагически погибшая при загадочных обстоятельствах в 1918 году на границе с Украиной.

Имелся в Гомеле и свой «Нестор Махно». Эту роль здесь выполнял анархист Ефим Майзлин – как и гуляйпольский батька, бывший боевик и экспроприатор под кличками Фриц и Тарантул, он весной 1917 года вернулся домой с каторги. Вскоре Гомельская организация анархистов-коммунистов нашла поддержку у солдат Гомельского пересыльного пункта. И вот в сентябре 1917 года буйные последователи Бакунина и князя Кропоткина повели солдат через весь Гомель на антивоенную демонстрацию. Уставшие от войны солдатики шли сказать свое тяжелое окопное слово Гомельскому совету, где в то время преобладали депутаты от еврейской партии «Бунд», российских меньшевиков и эсеров. Совет в Гомеле заседал во дворце Румянцевых-Паскевичей – любопытно, что Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов в Петрограде также занимал Таврический дворец коллеги графа Румянцева-Задунайского – графа Потемкина-Таврического. Даже архитектор у них, предположительно, был один и тот же – Иван Старов.

Фронтвики с «пересылки» силой ворвались в Гомельский дворец, где шло заседание Совета, и потребовали от него принять антивоенную резолюцию. Здесь взбунтовавшихся антимиитаристов в серых шинелях попытался урезонить гомельский «Керенский» – председатель Совета прапорщик Севрук. Однако аргументы противоположной стороны были настолько решительными, что Севруку вместе с другими «соглашателями» пришлось бежать из дворца через черный выход – или подземный ход? Так

же, как самому Керенскому придется вскоре удирать из Петрограда, переодевшись в матросский костюм.

Кавказская бригада в Гомеле

Если продолжать и дальше иллюстрировать гомельские события известными персоналиями, то был в Гомеле и Буденный. Причем – не по аналогии, а собственной персоной. Дело в том, что вовремя волнений на Гомельском распределительном пункте из Минска в Гомель на усмирение была двинута 1-я бригада Кавказской дивизии. Председателем солдатского комитета Кавказской дивизии в это время был Семен Михайлович Буденный. Эшелон с драгунами прибыл на станцию Гомель-Товарный. Тут Буденный заявил командующему бригадой генералу Копачеву, что прежде чем выгружать полки, он должен сходить в город на разведку. Генерал, не желавший обострения ситуации, охотно принял предложение своего унтер-офицера.

В Гомельском солдатском комитете бравому северскому драгуну и полному Георгиевскому кавалеру еще раз рассказали свою версию причин волнений – оказывается, комендант заставляет солдат рыть окопы. Не дает поблажки даже больным. А таковыми оказалось целых 80 процентов гарнизона! И не желает отправлять жалующихся на здоровье на врачебное освидетельствование. А еще его высокоблагородие крайне груб с солдатами. Но сам Буденный признает – в реальности солдаты отказывались от тяжелых окопных работ «из-за антивоенных настроений».

Семен Буденный

Буденный вернулся на Гомель-Товарный. Впоследствии маршал Советского Союза вспоминал об этом гомельском эпизоде: «Я сообщил о назначенном на завтра собрании и сказал, что комитет считает возможным присутствие на этом собрании офицеров нашей бригады, однако он решительно возражает против вступления драгунских полков в город. На общесолдатское собрание, происходившее на другой день, приехал комендант города. Очевидно, надеясь на помощь прибывшей бригады, он выступил с раздраженной, пересыпанной бранью и угрозами речью. Она кончилась тем, что возмущенные солдаты схватили коменданта и тут же на собрании убили его. Председатель Гомельского солдатского комитета, выступивший затем на собрании с поддержкой требований солдат, вместе с тем осудил их расправу с комендантом. Потом слово предоставили мне. И я присоединился к осуждению учиненного солдатами самосуда».

Каганович против Либера

А вот гомельские большевики в течение долгого времени были достаточно слабы. И тогда Яков Свердлов вызвал к себе члена Всероссийского бюро военных организаций РСДРП (б) Лазаря Кагановича. В Могилеве находилась Ставка Главного командования российской армии – «гнездо контрреволюции», и Лазарю было поручено установить контроль над ней и всем окрестным районом. Без этого победа революции в Петрограде и Москве была невозможна. Кагановичу, родившемуся в селе Кабаны на Припяти, места эти были хорошо знакомы.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Вскоре в Саратове Лазарь Каганович был арестован и отправлен с маршевой ротой на Западный фронт. В отличие от Владимира Ильича, в Гомель Лазарь Моисеевич прибыл в арестантском вагоне. Но сразу же по прибытии на станцию Каганович взялся выступать на митинге. Его вновь попытались арестовать, но солдаты отбили пламенного оратора, а большевик Якубов спрятал его в железнодорожном депо. Мемориальная доска Якубову висит до сих пор, а вот Кагановичу, наркому железных дорог СССР и лидеру «антипартийной группировки», разоблаченной Хрущевым, – нет.

Уже на конспиративной квартире Каганович узнал – все это было заранее организовано Полесским комитетом большевиков, получивших задание из центра установить его местонахождение и освободить. При этом гомельские большевики Хатаевич и Агранов уговорили Лазаря не ехать в контрреволюционный Могилев, а остаться в революционном Гомеле. Некоторое время Каганович обретался на нелегальном положении, но вскоре с помощью сочувствующего ленинцам меньшевика Петра Богданова был легализован. И даже избран депутатом Гомельского Совета.

Петр Богданов

И Лазарь Моисеевич решительно берется за дело. Как он сам рапортует в своих воспоминаниях, во все части, предприятия и соседние деревни были разсланы сотни революционных агитаторов. Легко побивавшие их ранее меньшевистские ораторы-интеллигенты опешили, столкнувшись с незатейливыми, но крепкими речами конкурентов. Было в запасе у Лазаря Моисеевича и еще одно ноу-хау информационной войны в Гомеле, где большинство населения составляли евреи, закономерно господствовала еврейская рабочая партия «Бунд». Ее вожди называли большевиков русскими шовинистами и чуть ли не «черной сотней», выступающей против еврейского языка. Тогда Каганович направил на бундовские собрания десятки своих агитаторов, свободно костерящих «шлемазе» Дана и Либера на самом что ни на есть чистом идиш. И таки выиграл эту партию – бундовские рабочие стали перебегать на большевистскую сторону улицы... Особенно после того как Каганович в словесной дуэли одолел прибывшего в Гомель того самого бундовского вождя и любимца – Либера.

Если анархисты продолжали царить на распределительном пункте, то опорой большевиков стали солдаты 3-го коренного парка, который называли «Гомельским Кронштадтом». Постепенно социал-демократы-большевики установили контроль и над воздухоплавательным парком, и Псковским драгунским полком, и оружейными мастерскими Западного фронта. Из оружейных мастерских сочувствующие выносили им винтовки, из Минска привезли пулеметы, а в Туле Лазарь Каганович договорился насчет партии наганов и патронов.

Лазарь Каганович

И вот 25 октября в Петрограде произошло вооруженное восстание. Поднялся и Гомель. А вот тут в наших аналогиях начинаются отличия. Хотя к 28 октября почти весь Гомель тоже был в руках боевых дружин большевиков, левых эсеров и анархистов, взять власть им сразу не удалось. Все дело – в телеграфе. В эпоху истории человечества, предшествующей изобретению интернета, азбука Морзе, передаваемая по проволоке, была почти единственным средством глобальной и мобильной коммуникации. Ставка из Могилева успела двинуть к Гомелю эшелоны с верными частями, и офицеры и казаки захватили телеграфную станцию и гостиницу «Савой» (ныне – ОАО «Старый универмаг»). И поэтому Гомельский совет никак не хотел брать власть, которую ему на блюдечке предлагали большевики и левые эсеры. Составлявшие там практически большинство бундовцы и меньшевики продолжали именовать события в Петрограде «большевистской авантюрой, обреченной на провал».

Решающая борьба между фракциями развернулась на заседании Гомельского совета во дворце Паскевичей 27–28 октября. В эти дни он представлял из себя смесь Смольного и Зимнего. Когда напряжение

достигло кульминации, «реформисты» зачитали с трибуны телеграмму, что революционное выступление в Петрограде подавлено. В стане большевиков и левых эсеров произошло легкое замешательство – связи с Питером они были лишены и истинного положения дел не знали. Но все равно продолжали истово провозглашать с трибуны, во многом наугад, победу революции. И эта твердокаменная уверенность принесла свои плоды...

К тому же в ночь на 30 октября революционным дружинам наконец удалось выбить офицеров и группы казаков из гостиницы «Савой» и телеграфа. Они отошли к своим эшелонам, но поддержки большинства своих товарищей там уже не получили – за это время оставшихся в теплушках станичников распропагандировали гомельские женщины! Дело в том, что мужчин-агитаторов в эшелонах встречали крайне недружелюбно – самого Кагановича от расправы спас только железнодорожник Якубов да мандат кандидата в Учредительное собрание. А вот революционных агитаторш казаки не трогали. Да и уж больно на Тихий Дон хотелось, к женам и детишкам – а не воевать со своими. Десятки эшелонов с лояльными войсками так и не прошли через Гомель к восставшим Питеру и Москве.

С разблокированием телеграфа известие о победе Октябрьского восстания в Петрограде стало достоянием гласности. И 30 октября Гомельский совет, окруженный многотысячной толпой солдат и рабочих, все же принял резолюцию в поддержку новой Октябрьской революции.

Победа революции в Гомеле была практически бескровной и тогда, осенью 1917 года, не сопровождалась никакими репрессиями. Помимо того, что все противники большевиков продолжали заседать в Совете, не были распущены даже выборные органы старой власти. И депутаты Гомельской городской думы исправно выполняли свои обязанности – при Советах до прихода в 1918 году немцев и гайдамаков и все последующее время немецкой оккупации.

УДК 94(100)“1914/.19”

ВКЛАД ГОМЕЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ В РАЗРАБОТКУ ТЕМЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Л. С. СКРЯБИНА

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

События переломного 1917 года нашли своё определённое отражение в научных трудах гомельских историков. Прежде всего, следует отметить научные труды одного из представителей советской историографии